ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

367-е и 368-е заседания • 19 октября 1948 года **№ 118**

СОДЕРЖАНИЕ

Триста шестьдесят седьмое заседание

		Стр
1.	Предварительная повестка дня	1
2.	Утверждение повестки дня	1
3.	Продолжение обсуждения палестинского вопроса	1
Триста шестьдесят восьмое заседание		
1.	Предварительная повестка дня	19
2.	Утверждение повестки дня	19
3,	Продолжение обсуждения идентичных уведомлений от 29 сентября 1948 г., представленных Генеральному Секретарю правительствами Французской Республики, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства	19

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к Официальным отчетам.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций. СЮЙ Шу-си (Китай) (говорит по-английски): Китай также согласен на предлагаемую вставку.

О. ЭБАН (Временное правительство Израиля) (поворит по-английски): Во втором пункте проекта резолюции я заметил выражение беспокойства по поводу того что правительство Израиля не сообщило подробно о предпринятых им шагах в отношении расследования убийства Посредника.

Этот проект, поскольку мне известно, был выработан ранее сообщения Совету Везопасности на предыдущем заседании [заседание 365-е] всех деталей о принятых мерах. Совет Безопасности в настоящее время располагает полной информацией относительно задержания лидеров подозреваемой организации и об их предстоящем привлечении к суду. Поэтому, я полагаю, что второй пункт уже вряд ли правилен. Спрашивается, нельзя ли было бы, в целях соблюдения истины, опустить его?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Повидимому все члены Совета выразили единодушное согласие по поводу этой резолюции. Ввиду отсутствия возражений, резолюция в исправленном виде принята единогласно.

Общая резолюция, представленная Соединенным Королевством и Китаем, в исправленном представителем Союза Советских Социалистических Республик виде принимается единогласно.

Заседание закрывается в 1 ч. 5 м. дня.

ТРИСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Состоялось во вторник 19 октября 1948 года в 3 ч. дня в Палэ де Шайо, Париж.

Председатель: Хуан Отилио БРАМУЛЬЯ (Аргентина).

Присутствуют представители следующих стран: Аргентины, Бельгии, Канады, Китая, Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Франции.

1. Предварительная повестка дня (S/Agenda 368)

- 1. Утверждение повестки дня.
- 2. Идентичные уведомления от 29 сентября 1948 г., представленные Генеральному Секретарю правительствами Французской Республики, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства (S/1020 и S/1020/Add.1).

2. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

3. Продолжение обсуждения идентичных уведомлений от 29 сентября 1948 г., представленных Генеральному Сенретарю правительствами Французской Республики, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства (S/1020 и S/1020/Add.1)

Сър Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (говорит по-английски): Моя делегация тщательно обдумала первый из двух вопросов, поставленных на предыдущем заседании Совета Безопасности [366-е заседание]. Он заключается в следующем:

«Просим представителей Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства, Франции и Союза Советских Социалистических Реслублик детально изложить обстоятельства, при которых были первоначально установлены ограничения в отношении связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами Германии, а также между последними и советской зоной, сообщить подробности проведения в жизнь указанных ограничений и осветить настоящее положение вещей».

Так был сформулирован вопрос. Представители Соединенных Штатов и Франции уполномочили меня заявить о том, что ответ, который я имею в виду дать сейчас, одобрен ими. Они конечно могут пожелать сделать дополнительные замечания после того как я выскажусь.

Я полагаю, что наиболее удовлетворительной и ясной формой ответа было бы сначала вкратце описать Совету Безопасности, каково было положение в отношении сообщения между западными оккупационными зонами Германии и Берлином в течение продолжительного времени, вплоть до первых чисел прошлого января. Я коснусь сообщения по грунтовым и железным дорогам и водным путям, уделив каждому из них несколько слов.

Что касается сообщения по шоссейным и грунтовым дорогам, то при переезде через границу между британской и советской зонами от пассажиров союзных стран не требовалось специального разрешения советских военных властей, которые проверяли лишь удостоверения повозок и автомашин. Все что требовалось сводилось к переводу на русский язык путевок, подписанных в одном из трех западных военных управлений — на практике же эти удостоверения почти не проверялись. Советские власти не осматривали грузов и багажа, и проверочного пункта на границе между советской зоной и западными секторами Берлина не существовало. Только лишь по приезде в самый город Берлин представителями трех западных военных правительств проверялись номера лицензий автомащин.

Для проезжающих по шосейным и грунтовым дорогам немцев требовался пропуск, выданный одним из военных управлений и только лишь, когда этот документ предназначался на срок более чем в тридцать дней, он должен был быть подтвержден каждым из военных губернаторов

тех зон, через которые обладателю пропуска приходилось проезжать. Любое из военных управлений могло выдавать документы для повозок и грузов. Бумаги немецких путешественников проверялись властями СССР на границе между зонами, а иногда патрулями на шоссейных дорогах.

Правила передвижения по железным дорогам были сложнее, но я постараюсь не утомлять внимания Совета Безопасности излишними деталями. Существовало большое число различных поездов: союзные пассажирские поезда, в которых иногда ехали и немецкие путещественники, получившие на то специальное разрешение; немецкие пассажирские поезда с прицепленными международными вагонами; союзные товарные поезда; немецкие товарные поезда и смешанные товарные поезда. К осени прошлого года, согласно временному соглашению, достигнутому между начальниками четырех транспортных отделов, из западных зон в Берлин по двум дорогам проходил тридцать один поезд; третья дорога предоставлялась движению в западном направлении.

Каждая из западных оккупационных властей установила свои собственные документы для пассажирского и товарного движения по железным дорогам. Между четырымя державами не было выработано общей для всех формы документов. Пассажиры союзных держав имели при себе путевки и удостоверения личности, тогда как грузы сопровождались военными ордерами той или другой из оккупирующих держав. Отдельные пассажиры трех западных оккупационных держав и их багаж при проезде между Берлином и западными зонами не подлежали проверке в советской зоне. Эти поезда, конечно, не выгружали и не принимали ни пассажиров, ни грузов в пределах советской зоны. Когда пассажиры союзных держав путешествовали в международных вагонах, прицепленных к германским гражданским поездам, они имели при себе вышеуказанные документы и обычно не проверялись в пределах советской зоны. Единственные немцы, которые пользовались поездами союзников, были лица, чьи поездки разрешались в интересах военных управлений. Они занимали места в специальных вагонах и снабжались ордерами, выданными союзными державами, или такими же пропусками, как и лица, следовавшие по шоссейным дорогам.

Наиболее интенсивным движением из западных зон в Берлин было движение отправляемых союзниками для гражданского населения города принасов, часть коих распределялась в советском секторе Берлина. Эти грузы сопровождались документами в нормальном коммерческом порядке.

Для немецких гражданских грузов, следующих с запада на восток, требовались лицензии, выданные одним из трех военных управлений. Движение грузов с востока на запад, хотя и разрешалось немецким городским управлением, но торговое ведомство советского сектора считало себя в праве контролировать вывоз некоторых видов товаров независимо от того, из какого они исходили сектора.

В этом отношении не было выработано какоголибо определенного порядка, ибо западные окку-

пационные державы не признавали за властями СССР права воспрещать движение грузов из западных секторов Берлина. Немецкие пассажиры, следующие в обыкновенных поездах, должны были иметь при себе удостоверение личности, а также межзонные пропуска. Межзонные пропуска выдавались в том же порядке, как документы для лиц, следующих по обыкновенным дорогам. На пограничной линии между советской и британской зонами властями СССР проверялись как пассажиры, так и багаж. На границе между советской зоной и Берлином такой проверки не производилось.

В отношении речного транспорта, требовались те же установленные союзниками и немцами документы, как и для транспорта по железной дороге. Между военной администрацией СССР и военным управлением Соединенного Королевства 26 июня 1946 г. было достигнуто соглашение относительно соответствующей формы документов для барж и их экипажей, хотя советские власти никогда полностью не выполняли этого соглашения. Суда, идущие из британской зоны, снабжались соответствующими документами.

Ввиду того, что ранее в представленных документах Совет Безопасности найдет ссылки на воздушные коридоры, мне следовало бы, пожалуй, сказать о них несколько слов. Военные и гражданские самолеты из Гамбурга, Букебурга и Франкфурта на Майне, расположенных в западных зонах Германии, следовали в Берлин по трем установленным соглашением четырех держав в Союзном контрольном совете 30 ноября 1945 г. воздушным коридорам в 20 миль шириной каждый. Типы и число следующих по этим коридорам самолетов не были ограничены; полеты могли совершаться без предварительного уведомления о них оккупирующих властей. О самолетах, приближающихся к Берлину, сообщалось берлинской воздушно-диспэчерской службе, созданной по соглашению четырех держав. Проверка команд и грузов самолетов осуществлялась той оккупационной державой, которой они принадлежали.

Таково было положение вначале этого года. Однако, начиная с января и в особенности с марта месяца 1948 г., советские военные власти в Германии ввели целый ряд ограничений связи, транспорта и торговли как по железным и шоссейным дорогам, так и по водным путям между западной Германией и Берлином. Эти ограничения прогрессивно делались все строже и распространялись на новые области. Полный отчет о них можно найти в разделе II Белой книги, выпущенной Соединенным Королевством 11 октября, и в разделе I Белой книги правительства Соединенных Штатов, выпущенной в сентябре.

Представитель Соединенных Штатов Америки в своей встугительной речи в Совете Безопасности также подробно сообщил об этих ограничениях [361-е заседание]. Я не намерен утомлять внимания Совета Безопасности повторением этих фактов. Однако, для удобства справок я заготовил исчерпывающий отчет о деталях этих ограничений с указанием тех мероприятий, которыми они постепенно вводились. Экземпляры этого от-

чета были разосланы всем членам Совета Безопасности.

Прежде чем покончить с этой частью ответа на поставленный вопрос, я хотел бы, в немногих словах, обратить внимание Совета Безопасности на четыре соображения по поводу истории возникновения и самой природы этих ограничений, которые, я думаю, напрашиваются каждому беспристрастному исследователю.

Первое из них касается необычайного разнообразия тех ограничений, которые были введены между мартом и июлем. Присмотревшись к ним, становится ясным, что они были введены в порядке коварного плана, рассчитанного на то, чтобы создать для западных оккупационных держав возможно больше затруднений при выполнении ими своих обязанностей в Берлине и чтобы свести на-нет присущие им как оккупирующим державам права. Дело в том, что эти посягательства на права союзников делались с разных сторон мало-помалу, в продолжение некоторого времени, с явным намерением не дать возможности оккупационным державам спохватиться до того, как процесс зайдет слишком далеко.

Второй характерной чертой этих мероприятий является та непоследовательность, которую проявили русские власти в отношении приводившихся ими причин для ограничений. Представитель Соединенных Штатов подчеркнул это обстоятельство в своей вступительной речи и мне, пожалуй, нет надобности возвращаться к этому вновь.

Третьим таким соображением является явная неискренность выставленных причин. Так например в течение каких-нибудь нескольких недель, якобы, возникали технические затруднения такого масштаба, что пришлось почти полностью прервать железнодорожное, дорожное и водное сообщения между западной Германией и Берлином. О природе этих технических затруднений нам никогда не дали разъяснений; нам не было указано какие меры предполагалось принять для того, чтобы устранить эти затруднения и не было сообщено, почему эти меры оказались недействительными. Кроме того мое правительство не раз предлагало правительству СССР свое сотрудничество для устранения этих технических затруднений.

15-го прошлого июня советские власти в целях ремонта закрыли мост через Эльбу на автостраде между Берлином и Западной Германией. Если нас хотят убедить в том, что до сих пор не было возможности сделать сооответствующих исправлений, то нельзя не возмутиться подобной оскорбительной недооценкой умственных способностей офицеров тех армий, которые к концу войны победным маршем прошли через Францию и Нидерланды, страны, в которых почти все мосты через реки были разрушены. В другом случае, русские власти, повидимому совершенно внезапно, установили, что большая часть вагонов, перевозивших в течение долгого времени товары между отдельными зонами Германии, стали небезопасны для пользования. Неосновательность этих предлогов доказывается тем, что советские власти считали иногда необходимым заменять

их другими, они например ссылались на необходимость регулировать курс валюты в советской зоне и охранить ее экономику.

Четвертым и наиболее важным соображением является тот метод, которым пользовались русские, чтобы ввести эти односторонние ограничения рядом ультимативных требований. Несмотря на уход русских из Контрольного совета, аппарат управления четырех держав все еще существовал. Тем не менее русские власти не пожелали пользоваться им, чтобы сговориться со своими союзниками относительно тех мер, которые они намеревались принять. Вместо этого они прибегли к принуждению, а когда западными державами делались соответствующие представления или запросы, советские власти либо отказывались отвечать, либо ссылались на тот или иной благовидный предлог.

Заключение, к которому правительство Его Величества было принуждено притти, сводится к тому, что эти ограничительные меры не были приняты вследствие искреннего желания охранить экономику советской зоны. Эти ограничения были введены задолго до того, что западные державы провели денежную реформу в Западной Германии или в Берлине. Настоящей их целью было оказать давление на три западные оккупационные державы для того, чтобы сделать положение последних невыносимым.

Следовало бы, пожалуй, добавить несколько слов об установленных тремя западными оккупационными державами ограничениях транспортного и торгового движения в советскую зону Германии и из нее. Эти меры были приняты западными державами очень неохотно и лишь после того, как полная блокада Берлина стала фактом, а несколько попыток стовориться с правительством СССР потерпели неудачу.

Правительство Его Величества, со своей стороны, не имеет желания сохранять эти ограничения в силе дольше, чем это вызывается необходимостью. Оно неоднократно объявляло о своем намерении, которое остается неизменным, снять эти ограничения, как только правительство СССР со своей стороны отменит введенные им по другим причинам ограничения связи, транспорта и торговли между Западной Германией и Берлином. В самом деле, о порядке отмены введенных западными державами ограничений военные губернаторы сговорились между собой при обсуждении этого вопроса на первой неделе сентября; поэтому, как только блокада СССР будет снята, в этом отношении не предвидится какихлибо затруднений.

В заключение я хотел бы сказать несколько слов о настоящем положении вещей. Оно представляется в следующем виде: всякое движение по железным дорогам союзных или немецких поездов из западной зоны в Берлин и обратно полностью прекращено. Движение немецких и союзнических грузов, а равно и пассажирское движение союзников по шоссейным и грунтовым дорогам из западных зон в Берлин также прекращено.

Немецкие путешественники, не имеющие при себе каких-либо товаров, могут как общее пра-

вило переходить через пограничную линию между британской и советской зонами пешком и им также разрешается следовать в Берлин. Немецкие пассажирские повозки и автомащины, направляющиеся только в советскую зону, обычно беспрепятственно переходят через границу, а иногда им разрешается следовать и до самого Берлина. Эти ограничения, налагаемые на немецких путешественников, постоянно меняются. Движение по дорогам из Берлина на запад также большей частью невозможно. Никакие товары не могут отправляться из Берлина в западные зоны. Для всех постоянных жителей Берлина требуется при переезде в западные зоны специальный пропуск, выдаваемый советскими властями. Все повозки, принадлежащие союзникам и следующие на запад, должны сопровождаться специальными советскими разрешениями и могут подвергаться обыску. После переезда через границу между зонами такие повозки обратно уже не пропускаются. Фактически, западные оккупирующие державы совсем не могут пользоваться дорогами в направлении на запад; исключение из этого правила представляет французское автобусное движение, предназначенное для французских должностных лиц; этим автобусам советские власти разрешают доходить до пограничной линии, где пассажиры высаживаются и должны переходить границу пешком.

Единственным исключением является почта. Пересылка почты из советского сектора Берлина в западные зоны Германии продолжается по суше, однако почтовые отправления из западных зон на восток не принимаются. Впрочем с начала октября, советские власти допускали доставку корреспонденции из западной зоны, адресованной во все секторы Берлина; посылки, однако, не допускаются.

В ответ на введенные советскими властями ограничения, западные державы, со своей стороны, ввели некоторые упомянутые ранее ограничения, в результате чего грузовое движение из трех западных зон в советскую зону в настоящее время прекращено: кроме того, никакое движение пассажиров и международных грузов, за исключением почты, местом назначения или пунктом отправления которого является советская зона, не допускается через западные зоны.

О воздушном сообщении я не упомянуя, так как всем известно, что оно поддерживается и было увеличено в целях снабжения Берлина. Воздушное движение свободно осуществляется по установленным воздушным коридорам и в соответствии с соглашениями, о которых я уже говорил.

Добавлю. что лишь сегодня утром, после составления настоящего отчета, я получил известие о введении советским командованием новых ограничительных мер, направленных к тому, чтобы воспрепятствовать доставке пищевых продуктов из советской зоны в западные секторы Берлина. Грузовики, перевозящие продукты, были задержаны, о чем начальником полиции советского сектора Берлина полковником Марковым было сделано соответствующее объявление. Тем не менее г-н Вышинский утверждает, что со стороны советской власти не делается поныток блокировать Берлин.

Вполне понятно, что члены Совета Безопасности, прямо не заинтересованные в вопросе, который они теперь должны рассмотреть, хотели бы получить о нем возможно более полную информацию и документацию. Здесь затрагиваются чрезвычайно важные вопросы, проблема представляется очень сложной, а история ее чрезвычайно длинной и спорной. Члены Совета Безопасности, желая получить возможно больше материала по этому вопросу, доказали тем самым, что вполне отдают себе отчет в значении своей задачи и приступают к ней с полным сознанием выпавшей на их долю ответственности.

Желая всячески притти на помощь Совету Безопасности, мое правительство представило все относящиеся к вопросу и находящиеся в его распоряжении сведения; оно будет и дальше считать себя в этом отношении в распоряжении Совета Безопасности.

Здесь я хотел бы опять подчеркнуть общую позицию моего правительства. Отвечая на формулированные шестью членами Совета Безопасности конкретные вопросы, я позволю себе напомнить Совету Везопасности истинную сущность той проблемы, которую ему надлежит рассмотреть. Как я сказал в своей вступительной речи [361-е заседание], вопрос это простой и ясный. Советское правительство одностороние ввело ограничения в отношении связи, транспорта и торговли между западными оккупационными зонами Германии и Берлином. Мы утверждаем, что эти меры являются незаконными, противоречат положениям Устава Объединенных Наций, и обязательствам советского правительства, как одной из оккупирующих Германию держав, и что цель этих мероприятий в том, чтобы нутем давления принудить западные державы к таким уступкам, которых невозможно было бы добиться посредством переговоров, и что это создает угрозу миру. Мое правительство утверждает, что продолжение этой блокады создает препятствия к тому, чтобы четыре оккупирующие державы приступили к переговорам в целях урегулирования неразрешенных еще вопросов, касающихся Берлина и Германии в целом. В эгом и заключается вопрос, который Совет Безопасности призван рассмотреть.

Результаты предпринятого Председателем расследования должны были убедить всех членов Совета Безпасности — если они ранее не отдавали себе в этом отчета — насколько серьезно положение, созданное советским правительством установлением ограничений, направленных к блокаде Берлина.

Прежде всего, эта блокада, в отсутствии которой вряд ли г-ну Вышинскому удастся кого-либо убедить, представляет собой попытку насильственным образом воспрепятствовать осуществлению присущих трем другим оккупирующим Берлин державам законных прав и выполнению ими, в качестве оккупирующих держав, не только своих легальных, но и гуманитарных обязательств, а равно и навязать им определенное решение вопроса.

Нет надобности дальше распространяться на эту тему, ибо вступительные заявления представителей трех западных оккупирующих держав и представленная ими информация дают ясную картину истории и последствий этой блокады.

Во-вторых, угроза обращения к насилию, заключающаяся в этой блокаде, существует уже в течение шести месяцев. Другими словами, правительство страны, подписавшей Устав Органивации Объединенных Наций и тем самым связанное обещанием не прибегать к каким бы то ни было насильственным мерам, противоречащим целям Устава Организации, именно в этом как-раз и повинно в течение всего этого срока. Несмотря на все попытки убедить советское правительство прекратить оказываемое им давление, несмотря на готовность других оккупирующих держав в целях разрешения настоящей опасной ситуации рассмотреть любые разумные предложения, продолжающей быть вызовом Уставу Организации и связанным с Уставом обязательствам.

В-третьих, теперь уже вполне ясно — и я не думаю, чтобы кто-либо мог еще в этом сомневаться — что продолжение этой блокады является единственным препятствием к возобновлению переговоров четырех держав по вопросам, касающимся Германии. Относительно этих переговоров правительства Соединенного Королевства, Франции и Соединенных Штатов повторно заявляли (я пользуюсь случаем, чтобы от имени моего правительства вновь повторить это заявление), что они готовы приступить к таким переговорам, как только будут сняты ограничения в отношении связи, транспорта и торговли между западными оккупированными зонами Германии и Берлином.

Как же выйти из создавшегося положения? Самым лучшим из него выходом было бы просто немедленно отменить упомянутые ограничения. С их отменой исчезнут посягательства на права и обязанности правительства Его Величества в Берлине, как правительства оккупирующей державы, а также отпадут вызов, брошенный Организации Объединенных Наций, и угроза миру в отношении Германии вообще, немедленно могут начаться переговоры о неразрешенных еще вопросах.

Мне думается, что члены Совета Безопасности согласятся с тем, что история вопроса является определенным доказательством того, что правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, стремясь найти справедливое решение, неизменно занимало в этом случае примирительную позицию. Так например, действуя совместно с правительствами Соединенных Штатов и Франции, мое правительство приняло на себя инициативу, несмотря на продолжение блокады, начать переговоры по берлинскому кризису с правительством СССР и продолжало эти переговоры в течение шести недель в Москве и Берлине в августе и сентябре месяце. В то время оно хотело установить, возможно ли заключение всеобъемлющего соглашения, которое разрешило бы вопрос о берлинских денежных знаках и повело бы к отмене упомянутых ограничений транспорта.

Одно время можно было надеяться, что схема такого соглашения была выработана, но попытки провести ее в жизнь скоро показали иллюзорность этой надежды. Условия, на которых стороны обещали разрешить проблему валюты, при номощи контроля четырех держав, исчезли; начались увертки по новоду отмены существующих ограничений и были предъявлены требования о новых ограничениях. Вольше этого ожидать от переговоров, ведущихся под давлением блокады, повидимому, нельзя.

Все ограничения остаются и по сей день в силе, а пока такое положение будет продолжаться, следует опасаться, что подобная участь постигнет любой план, не исключая и тот, что был намечен во время переговоров в Москве 30 августа. Ибо, если бы вновь пришлось вырабатывать в условиях блокады детали такого плана в целях обеспечения его проведения в жизнь на приемлемых для всех четырех оккупирующих держав условиях, то и это окончилось бы неудачей.

Мне остается добавить еще следующее: как я упомянул в начале моего выступления, теперь совершенно ясно, что имеется лишь одно препятствие к возобновлению переговоров между непосредственно заинтересованными в споре державами. Я надеюсь, что этот факт будет признан и что какое бы мнение ни выражали отдельные члены Совета Безопасности, они примут во внимание первостепенную важность не только для разрешения настоящего конфликта, но и для охраны престижа Совета Безопасности и самой Организации Объединенных Наций, а также и благо всего мира, того принципа, что переговоры между членами Организации Объединенных Наций могут вестись только в атмосфере, свободной от угрозы применения силы и от принуждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-испански): По желанию делегаций Соединенных Штатов и Франции на этом заседании последовательных переводов не будет.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (говорит по-апглийски): Представитель Соединенного Королевства дал Совету Безопасности полный обзор фактов, касающихся всей совокупности мер, применяемых правительством СССР в течение многих месяцев для осуществления блокады. Таковы шаги, которые имели целью лишить западные державы их законных прав в Берлине и насильно включить германскую столицу в советскую экономическую и политическую систему. Таковы действия, которые в общей сложности представляют собой принуждение и угрозу применения силы, совершенно не соответствующие обязательствам, налагаемым на членов Организации ее Уставом.

В своем заявлении мой коллега упомянул о мерах, вчера принятых советскими властями в Берлине для усиления ограничений в отношении западного сектора этого города. Я хотел бы понытаться нарисовать перед Советом Безопасности истинную картину этих дополнительных мероприятий. Вместо того чтобы приближающиеся к западным секторам повозки и автомашины подвергались осмотру по приближении к демарка-

ционной линии, вновь введенные советскими властями правила требуют, чтобы всякая повозка или автомашина, следующая по направлению к западным секторам Берлина с запада от советской зоны, направлялась в обход, делая иногда лишние 45 миль для того, чтобы войти в тот или другой из западных секторов со стороны советского сектора Берлина.

Может быть эти новые меры, введенные вчера в Берлине правительством СССР, являются молчаливым ответом на первую часть поставленного Советом Безопасности вопроса, которая гласит: каково настоящее положение с блокадой? Из этих заявлений и мероприятий ясно вытекает одно, что блокада не только существует, но и усиливается; в то самое время, как Совет Безопасности занимается рассмотрением этого вопроса, принудительный характер блокады, на который мы жаловались и который является помехой к переговорам, обостряется.

Существует один аспект блокады, на который я хотел бы опять обратить особое внимание членов Совета Безопасности. Как я ранее указывал, четыре оккупирующие державы, согласно целому ряду международных соглашений, приняли на себя некоторые обязательства в отношении населения порученных им секторов Берлина. Блокада служит для СССР методом распространения своей власти при полном пренебрежении к общим союзным обязательствам и с циничным безразличием к тому, как отражаются на населении западных секторов столицы принятые Советами меры.

Я позволю себе также напомнить Совету Везопасности, что только лишь по истечении месяца по установлении блокады, СССР выступил со своим предложением снабжать пищевыми продуктами и углем западные секторы города. Таким образом определенно выяснилось, что первоначальной целью оказываемого на население давления было сломить его дух, и лишь после того, как успешность воздушных перевозок была на деле доказана, советские власти предложили снабжать западные секторы Берлина пищевыми продуктами в качестве контрмеры против этого снабжения по воздуху.

Вот та блокада, которая, по словам г-на Вышинского, является мифом.

Его утверждение о том, что никакой блокалы не существует, полностью опровергается фактами. Советское толкование положения, во всяком случае, будет оспариваться двумя с половиной миллионами жителей, которые являются непосредственными жертвами применяемой Советами политики силы и которым предоставляется выбор между тем, чтобы примириться с конкретными и потенциальными лишениями, сопряженными с блокадой, или принять от Советов пищу и уголь и, тем самым подпасть под советское и коммунистическое политическое господство. Выбор берлинского населения с самого начала не оставлял никакого сомнения. Оно выбрало лишения и свободу. Это является обнадеживающим симптомом для будущего мира и безопасности Европы, ради которых четыре союзные державы предприняли оккупацию Германии.

Не будем забывать, что в Потедаме было заявлено:

«Союзники будут, как теперь, так и в будущем, принимать, по взаимному соглашению, другие необходимые меры для обеспечения того, чтобы Германия никогда вновь не стала угрозой для своих соседей и всего мира. В намерения союзников не входит разрушение Германии или порабощение германского народа. Союзники желают, чтобы германскому народу были предоставлены возможности подготовиться к восстановлению со временем своего национального бытья на демократической и мирной основе».

Вот на чем согласились в Потсдаме. Советское правительство, пользуясь жестоким методом блокады, избрало весьма странный способ выполнения в Берлине обязательств, принятых им по соглашению о демократизации германской политической жизни. Благодаря воздушному мосту, установленному союзниками, и поддержке, оказываемой этому делу берлинцами, правительству Советского Союза не удалось достигнуть своей цели.

Я хотел подойти к самой сущности вопроса и попросить членов Совета Безопасности посмотреть на положение так, как оно представляется на карте земного шара. Существует Берлин островок в советской зоне. Берлин, по международному соглашению, управляется четырымя державами: Францией, Советским Союзом, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Берлин — не русский город. Должностные лица и войска четырех держав находятся в Берлине и выполняют там в определенных секторах возложенные на них по международному соглашению обязанности. Вопросы, касающиеся города в целом, соответственно тем же соглашениям, должны решаться всеми четырьмя государствами, действующими совместно в Контрольном совете и в Комендатуре Берлина, т. е. в обоих органах, учрежденных ими для этой цели. В 1945 г. все четверо согласились, что они совместно будут ввозить в Берлин необходимые пищевые продукты, топливо и т. д. и распределять их по городу.

В течение приблизительно трех лет этот остров-город управлялся в соответствии с упомянутыми соглашениями. Затем, в 1948 г., по той или иной причине, — я в данный момент не буду приводить фактов, доказывающих, какова именно была эта причина, а различные выставляемые Советским командованием неосновательные причины введенных им ограничений уже известны — Советский Союз, т. е. одна из четырех держав, вышел из Контрольного совета и из Комендатуры и начал закрывать одну за другой дороги, ведущие в Берлин. Чтобы достичь Берлина все эти пути, будь то обыкновенные или железные дороги или каналы, проходят через советскую зону. Советская армия расположена по всей территории этой зоны и поэтому имеет фактическую возможность не допускать движение через нее. Они на это не имеют права, ибо они сами согласились на то, что управление Берлином делится между Францией, Советским Союзом, Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Сам маршал Сталин в 1945 г. согласился

с тем, что западные державы имеют право поддерживать связь между Берлином и своими зонами. Но Советский Союз в данном случае располагает физической силой и он грозит ее использовать. В отношении контроля движения по воздуху он, однако, не располагает такими же материальными силами, а потому правительства трех западных оккупирующих держав и воспользовались воздушным сообщением. Снабжение Берлина по воздуху возложило огромное бремя на западные державы, которые имеют совершенно те же права, что и Советский Союз, на то, чтобы находиться в Берлине. Если бы, однако, мы, три западные державы, не решились взять на себя это бремя, мы не выполнили бы своих обязательств в отношении политического положения и экономического благосостояния берлинского населения. Поэтому можно не без основания предположить, что целью Советского Союза является поставить западные державы в такое положение, в котором они не могли бы выполнять своих обязательств. Аргумент представителей Советского Союза относительно того, что никакой блокады не существует, потому что воздушным путем мы все еще имеем доступ к нашим секторам Берлина или потому, что Советы, мол сделали, запоздалое предложение снабжать секторы западных держав пищевыми припасами в обмен на предоставление им политического контроля, является смехотворным.

Не нужно быть экспертом по толкованию Устава Организации Объединенных Наций, что-бы понять, что применение физической силы, поддержанной войсками, в попытке воспрепятствовать нашему доступу в те места, где мы имеем право находиться и где мы должны выполнять международные обязательства, является нарушением целей и принципов Организации Объединенных Наций. Если бы у Советов были причины жаловаться на действия трех западных держав, вся система, на которой основан Устав, определенно указывает им на необходимость сделать попытку урегулировать свои разногласия мирным путем. Попытались ли они это сделать? Вовсе нет.

С начала 1948 года и до момента, когда блокада советскими властями наших наземных сообщений с Берлином стала всеобъемлющей, они ни разу не предложили собрать Совет министров иностранных дел для обсуждения основных вопросов будущего Германии. С того момента, как они в марте 1948 года вышли из Контрольного совета, они ни разу не предложили вести переговоры в рамках какого-либо другого органа. Вместо этого они применили крайнюю меру блокады.

Некоторые считают, что реальной угрозы применения силы не было потому, что Советы фактически не открывали огня из пулеметов или орудий по нашим поездам, грузовикам или баржам. Но позвольте мне обрисовать вам положение при помощи конкретного случая.

21 июня 1948 г. американский воинский поезд № 20 под командой американского офицера, в сопровождении военного чиновника, переводчика и шести чинов поездной охраны, вышел из Хельмстет по пути в Берлин. Несмотря на то, что были выполнены все обусловленные соглашением требования, поезд был остановлен на русском контрольном пункте. Три дня прошло в спорах, и за это время русские неоднократно меняли свои требования. Наконец, русский комендант приказал всему американскому персоналу покинуть состав поезда, который, как собственность железных дорог, по его утверждению, находился под советским контролем — и пересесть в вагоны железнодорожной охраны. Двое из американских чинов охраны были силой сняты с паровоза русским полковником и двумя чинами русской охраны. Другие чины советской охраны, вооруженные автоматами, были поставлены в различных местах вдоль поезда. Советские чины охраны сопровождали поезд до пограничного цункта, где они его покинули, после чего поезд вернулся обратно в Хельмстет.

Как я уже указал Совету Безопасности ранее, в этом случае мы могли бы в ответ на советские угрозы применить военную силу. Или мы могли покорно подчиниться и уступить наши права и обязанности в Берлине, результатом чего явилось бы подчинение двух с половиной миллионов немцев советской власти, со всеми вытекающими из этого последствиями. То, что мы фактически сделали и продолжаем делать — заключается в выполнении наших обязательств согласно Уставу Организации Объединенных Наций и в нашей попытке урегулировать вопрос путем мирных переговоров, продолжая одновременно выполнять наши обязательства в Берлине.

Это приводит меня ко второму вопросу, который был задан Советом Безопасности и который мне хотелось бы огласить:

«Просим представителей Соединенных ППтатов Америки, Соединенного Королевства, Франции и Союза Советских Социалистических Республик представить на детали соглашения, на основании которого военным губернаторам оккупирующих Берлин держав были даны инструкции и в точности сообщить, какие именно причины воспрепятствовали проведению этого соглашения в жизнь».

Отвечая на этот вопрос, следует вспомнить, каково было положение, когда началось обсуждение вопроса. Началось с того, что 6 июля 1948 г. три правительства препроводили первые свои ноты правительству СССР. К этому времени СССР окончательно закрыл движение по обыкновенным и железным дорогам и по каналам, и три западные державы были принуждены прибегнуть к воздушным перевозкам, для того чтобы выполнять принятые ими на себя в отношении Берлина обязательства. Такая угрожающая миру ситуация продолжает существовать и будет существовать до тех пор, пока ограничения наземного сообщения не будут устранены. В течение более чем трех месяцев мы пытались устранить эту угрозу миру посредством мирных переговоров. Когда непосредственные переговоры потерпели неудачу, мы обратились к Совету Безопасности, на котором, согласно Уставу, лежит «главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

Мы обратились к Совету Безопасности 29 сентября с той же целью, с которой мы вступили в переговоры с правительством СССР в июле, а именно, чтобы устранить угрозу миру. Мы не обратились к Совету Безопасности в июле, потому что статья 33 Устава требует от нас «прежде всего» исчерпать все возможности, чтобы договориться путем непосредственных переговоров. Однако угроза миру существовала в июле, так же как она существует и теперь, в октябре.

В июле мы спрашивали себя, не существует ли какой-либо мелочи, какого-либо недоразумения, которое побудило правительство СССР применить силу, как бы это ни было неправильно и незаконно, вместо переговоров. Если бы это было так, то затруднения могли быть устранены. Если однако, как все на то указывает, СССР прибег к угрозе применения силы, чтобы принудить нас покинуть Берлин, то это уже другое дело. Поэтому, мы 2 августа и обратились в Москве с соответствующим вопросом к маршалу Сталину. Посол Соединенных Штатов Америки г-н Смит говорил от лица всех трех правительств. Я приведу вам его слова, хотя они и были полностью помещены в американской Белой книге на восемнадцатой странице.

«Соединенные Штаты, Соединенное Королевство и Франция не хотели бы, чтобы положение продолжало ухудшаться, и предполагают, что советское правительство разделяет их желание. Правительство трех держав имеют при этом в виду ограничительные меры, принятые советскими властями в отношении связи между западными зонами Германии и западными секторами Берлина. Наши правительства полагают, что если эти меры вызваны техническими затруднениями, то эти затруднения легко можно было бы устранить. Правительства трех держав возобновляют свое предложение помочь в этом отношении. Если эти меры каким-либо образом связаны с проблемой валюты, то они явно не оправдываются, ибо эта проблема раньше могла и теперь еще может быть урегулирована представителями четырех держав в Берлине. Если, с другой стороны, целью этих мер является привести четыре оккупирующие державы к переговорам в Берлине, то и в этом случае эти меры излишни, пбо правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов и Франции никогда не отказывались встретиться с представителями Советского Союза, в целях обсуждения вопросов, касающихся Германии. Если, однако, эти мероприятия направлены к тому, чтобы принудить правительства трех держав отказаться от своих прав в Берлине в качестве оккупирующих держав, то советское правительство должно из ранее сказанного заключить, что такие попытки не могут увенчаться успехом».

Посол Смит сказал далее:

«Несмотря на события последних дней, правительства трех держав отказываются верить, что именно это является настоящей причиной принятия указанных мер. Они скорее склонны считать, что советское правительство разделяет их мнение относительно того, что в интересах

всех четырех оккупирующих держав, германского народа и всего вообще мира надлежит прекратить дальнейшее ухудшение положения и путем взаимного соглашения положить конец установившейся в Берлине чрезвычайно тяжелой и опасной ситуации.

Советское правительство, однако, должно понять, что правительства трех держав не могут вести переговоры при настоящем положении вещей, созданном по инициативе советского правительства. Свободные переговоры могут иметь место только в атмосфере свободной от всякого давления».

Вот сущность вопроса.

«Этот принцип нарушается существующими ограничениями связи Берлина с западными зонами. Когда вопрос ограничений будет разрешен, отпадут и затруднения, стоящие на пути к возобновлению переговоров в вышеуказанных рамках.

6 октября [363-е заседание] я уже в общих чертах сообщил Совету содержание последовавших дискуссий; теперь я повторю лишь главные пункты этих переговоров.

В конце состоявшегося 2 августа совещания маршал Сталин, казалось, согласился с нашей точкой зрения. Он предложил, чтобы отмена ограничений транспорта и торговли была осуществлена одновременно с введением в Берлине немецкой марки, выпущенной в советской зоне, и изъятием из обращения в Берлине западной марки В.

Правительства трех западных держав предположили, что предложение маршала Сталина подразумевало установление контроля четырех держав над берлинской валютой и что, следовательно, предложение такое приемлемо. Поэтому, на следующем заседании, состоявшемся 6 августа, с участием г-на Молотова, три представителя западных держав предложили выработать общее для четырех правительств коммюнике. В нем объявлялось бы о конце блокады, о введении в Берлине, находящемся под соответствующим контролем четырех держав, выпущенной в советской зоне неменкой марки, как единственной, имеющий хождение в столице денежной единицы, а также об их соглашении собраться на совещание четырех держав в целях рассмотрения неразрешенных вопросов, касающихся Верлина и Германии вообще. Этот документ приводится на десятой странице нашей Белой книги. Прошу членов Совета заметить, что это было лишь простым предложением и служило добавлением к уже упомянутым мною пунктам, предусматривающим гарантии четырех держав в отношении валюты, гарантии, которые мы считали существенными.

Советское правительство сразу не приняло этого проекта коммюнике. Вместо этого оно затянуло переговоры четырех держав на три недели, после чего 30 августа было достигнуто соглашение относительно так называемой «директивы». Нет необходимости, я полагаю, давать в хронологическом порядке отчет об имевших место дискуссиях, ибо таковой приводится в Белых книгах, опубликованных как моим правительством.

так и правительством Соединенного Королевства. Мне думается, что если члены Совета пожелают сравнить сделанные тремя державами 6 августа предложения с директивой 30 августа, то разница между этими двумя документами им станет совершенно ясна.

Когда соглашение о формулировке директивы военными губернаторами было достигнуто 30 автуста, правительство Соединенных Штатов полагало, что больше не потребуется никаких мер кроме административных шагов технических экспертов в Берлине для выполнения этой директивы. Все принципиальные вопросы, затрагиваемые директивой, были исчерпывающим образом обсуждены. Поскольку нам было известно. было достигнуто полное соглашение. Оставалось только провести в жизиь принципы, на которых согласились, что, мы полагали, и могло быть сделано четырьмя военными губернаторами.

Директива отвечала пожеланиям, высказанным правительством СССР в Москве, и в то же время удовлетворяла требованию сохранения наших прав в Берлине.

Маршал Сталин на совещании 23 августа, в котором участвовали представители трех западных держав, дал определенные заверения по вопросу о контроле четырех держав над валютой. В этом отношении я хотел бы процитировать коечто из доклада посла Смита:

«Маршал Сталин заявил, что германский эмиссионный банк контролирует денежное обращение на всей территории советской зоны и что нельзя исключить из этой зоны Берлин. Однако, если спросить, контролирует ли он без контроля над ним, то последовал бы отрицательный ответ. Такой контроль над ним осуществлялся бы финансовой комиссией и командующими в Берлине, которые должны бы выработать соглашение относительно обмена валюты и контроля выпуска денежных знаков, а также и наблюдали бы за деятельностью банка».

30 августа, когда директива была препровождена четырем военным губернаторам Берлина, как будто уже не оставалось неразрешенных вопросов по существу.

Что же произошло в Берлине?

Протоколы указывают на то, что военный губернатор СССР отступил от трех основных принципов директивы. Во-первых, он объявил, что использование воздушных коридоров, ведущих к Берлину с западной стороны, будет ограничено снабжением оккупационных сил; во ведь директива требует снятия ограничений, а не введения новых. Во-вторых, он объявил, что торговля между Берлином и западными зонами или другими странами должна контролироваться исключительно военным командованием СССР; между тем, директивой предусматривается, что для торговли должны быть выработаны «удовлетворительные условия», а не то что она должна контролироваться одной лишь стороной. В-третьих, вопреки определенному соглашению, достигнутому по этому вопросу с маршалом Сталиным 23 августа, советский командующий настаивал на том, что финансовая комиссия четырех держав не будет располагать достаточными полномочиями для осуществления контроля над действиями германского эмпесионного банка в Берлине.

Три западные державы решили вновь обсудить эти вопросы в Москве, дабы установить, намеревается ли само правительство СССР также пренебречь ранее достигнутыми соглашениями.

Однако, возвращаясь в Москву, мы полагали необходимым получить от правительства СССР определенное подтверждение содержащихся в директиве 30 августа принципов. Мы не собирались опять вступать в бесконечные дискуссии, которые явились бы лишь повторением пройденного и в связи с которыми были бы вновь поставлены на обсуждение ранее решенные принципиальные вопросы. Мы хотели получить определенные ответы на три вопроса. Мы желали, чтобы полученные нами ответы были затем осуществлены в Берлине на практике.

 Ψ_{TO} же произондо, когда мы вернулись в Москву?

В своей памятной записке от 14 сентября правительства западных держав обратились к правительству СССР с просьбой подтвердить достигнутые в Москве по этим трем вопросам соглашения и дать военному губернатору СССР инструкции о проведении соответствующих мер. 18 сентября тремя представителями западных держав был получен ответ. В своем ответе правительство СССР поддерживало занятую военным губернатором СССР позицию, подтвердив, что пользование воздушными коридорами надлежит отныне ограничить снабжением оккупационных вооруженных сил Берлина, что противоречило решению Контрольного совета от 30 ноября 1945 г. Признавая, что торговля Берлина должна находиться под контролем четырех держав, правительство СССР утверждало, что фактическая выдача экспортных и импортных лицензий должна контролироваться советскими военными властями. Такое положение лишило бы действительности контроль над торговлей четырех держав. Своим ответом советское правительство, впрочем, как будто возвращалось к признанию того принципа, что финансовая комиссия должна контролировать некоторые функции германского эмиссионного банка в Берлине.

Представляется очевидным, что мы не получили от советского правительства простого полтверждения принципов, содержащихся в директиве 30 августа, о которых мы с ним сговорились. Мы также не получили от него заверения, что советскому военному губерпатору будут даны инструкции следовать этой директиве. Короче говоря, мы получили ответ, который не был удовлетворителен. Ввиду всего ранее происшедшего, мы пришли к обоснованному мнению, что правительство СССР старается добиться от нас преимуществ политического характера, на которые оно не вправе претендовать и достижение которых мирными средствами не было бы возможным. Мы пришли к заключению, что переговоры, которые мы вели, служили лишь оправданием для продолжения блокады, а не методом ее устранения.

Поэтому, 22 сентября правительства трех западных держав послали правительству СССР три идентичных ноты, в которых они подтверждали свои позиции в отношении трех принципиальных вопросов, а также просили правительство СССР снять блокаду Берлина и указать день когда эта мера будет проведена.

Ответ СССР на эту ноту был получен 25 сентября. В нем все еще не усматривалось разъяснения всех вопросов, которые мы обсуждали в Москве. В нем не указывалось, что правительство СССР соглашается на то, чтобы движение товаров и пассажиров в Берлин осуществлялось воздушным путем. Впрочем в нем быть может и содержались намеки на то, что воздушные коридоры эти могут быть использованы для этой цели. Тем не менее, правительство СССР указывало, что контроль над перевозкой коммерческих грузов и нассажиров должен осуществляться высшим советским командованием. Таким образом, ответом СССР был поднят новый вопрос. Мы не могли согласиться на осуществление такого контроля командованием СССР. Мы не раз заявляли в Берлине, что считаем установление надзора для регулирования курса валюты в столице необходимым, но что надзор этот должен осуществляться на основе принятых всеми четырымя державами положений.

Здесь я хотел бы отметить, что при существующем в Берлине положении, поддержание валютного курса как в советской зоне так и в Берлине ни в коей мере не связано с количеством провозимых между Берлином и западными зонами грувов и пассажиров будь то сухопутным, водным или воздушным путем. Регулирование курса берлинской валюты в советской зоне является вопросом практического характера. Его можно осуществить контролированием денежного обращения и валютных операций между двумя зонами, но никак не путем контроля над перевозками. Правительства Франции, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов всегда были готовы согласиться на установление разумных гарантий для защиты курса немецкой марки в советской зоне. Они всегда были и сейчас готовы согласиться на разумные правила для регулирования перевозок. Но не следует смешивать ограничения и контролирование движения между западными зонами и Берлином с совершенно отдельным и не относящимся к таким мерам вопросом денежного обращения и контроля над валютными операциями. Власти СССР воспользовались этим предлогом, чтобы установить блокаду и требовать права установления ограничений в отношении использования воздушных коридоров для транспорта грузов и пассажиров. Это является со стороны СССР хитрым маневром, с целью добиться подчинения воздушного сообщения с Берлином советскому командованию.

Ввиду очевидной бесцельности дальнейших переговоров мы сообщили правительству СССР идентичными нотами от 26-27 сентября, что вопрос нами передается на рассмотрение Совета Безопасности. Мы препроводили также соответствующее уведомление Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций 29 сентября,

Как уже известно членам Совета Безопасности, правительство СССР 3 октября, т. е. уже после того как мы передали вопрос на рассмотрение Объединенных Наций, послало трем западным правительствам ноту. Эта нота является еще одним примером той тактики, которая применялась правительством СССР в течение всего периода переговоров. В этой ноте говорится, например, что вопрос воздушного контроля для предотвращения незаконной перевозки валюты мог бы получить удовлетворяющее обе стороны разрешение посредством переговоров, но в то же время правительство СССР осторожно воздерживалось от каких бы то ни было связывающих его определенных предложений. Это является еще одним примером тенденции уклонения от определенного ответа и явного нежелания подтвердить ранее достигнутые соглашения.

Теперь нас просят разъяснить, почему весь вопрос не был разрешен на основании директивы 30 августа или, иначе говоря, почему продолжалась угроза миру после 7 сентября, когда были окончены переговоры четырех военных управлений, или после 14 сентября, когда три западные державы обратились к СССР с письменным изложением того, как маршал Соколовский отказался провести в жизнь достигнутое в Москве соглашение.

Простым и определенным ответом на этот вопрос является то обстоятельство, что угроза миру не была устранена тогда потому, что причиной ее была созданная СССР блокада, которую советское правительство отказалось снять. Правительство СССР создало угрозу миру и оно же может угрозу эту устранить.

Резюмирую сказанное: три западных державы были готовы обсуждать практические меры в отношении валютной проблемы в Берлине, а также и другие проблемы, пока была еще малейшая причина считать, что введенные правительством СССР ограничения по существу были связаны с этими проблемами. Но когда выяснилось в процессе переговоров, и в особенности после того, как СССР отказался от принятого обеими сторонами толкования директивы 30 августа, что он силой хочет заставить нас уступить свои права в Берлине, о полной неприемлемости чего для западных держав было сообщено маршалу Сталину, тогда стало ясным, что переговоры обречены на неудачу.

По нашему мнению, эти переговоры неопровержимым образом доказывают — и мы заявляли об этом в своих нотах к СССР 26 и 27 сентября — что правительство СССР пыталось и пытается незаконным и насильственными мерами, в нарушение своих обязательств, добиться таких политических преимуществ, на которые оно не имеет права и которых оно не могло бы добиться мирными способами. При наличии таких попыток явно насильственными мерами оказывать на нас давление для достижения этих преимуществ, мы не могли продолжить даже обсуждение вопроса о валюте.

Требуя немедленного снятия блокады, являющейся угрозой миру, мы, однако, никоим образом не ищем освобождения от наших обязательств выполнить директиву 30 августа. Мы просим Совет Безонасности устранить угрозу миру не для того, чтобы избежать переговоров с правительством СССР, а только, чтобы сделать возможным приступить к переговорам, свободным от внешнего давления.

А. ПАРОДИ (Франция) (товорит по-францизски): Я не думаю, что было бы полезно повторять подробное изложение фактов, которое только-что было сделано представителями Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки. Я, поэтому, от имени Франции, ограничусь ответами на вопросы, заданные нам по некоторым наиболее существенным пунктам. Что касается остальных пунктов, то позволю себе отослать вас к замечаниям, которые только-что были представлены.

В отношении первого вопроса представитель Соединенного Королевства сообщил уже наш ответ. К своим разъяснениям он добавил переданный членам Совета меморандум, в котором содержится перечень принятых советским правительством мер для ограничения, а затем и окончательного прекращения сообщений по железным дорогам, шоссейным и водным путям между Берлином и западными зонами.

Я хотел бы в отношении этого первого вопроса сделать несколько замечаний общего характера.

Во-первых, я хотел бы напомнить членам Совета, что первоначальные меры блокады Берлина были приняты ранее того, когда в западных зонах была проведена валютная реформа. Следует с другой стороны отметить, что советские власти, в оправдание принятых ими мер, давали самые разнообразные и часто не соответствующие друг другу разъяснения. Сначала они сослались на технические затруднения: ремонт мостов, шлюзов и железных дорог; затем — на необходимость принятия мер для защиты экономики и регулирования курса валюты в советской зоне.

Что касается этого второго объяснения, то здесь будет уместно вспомнить, что полное прекращение связи Берлина с восточной зоной, с одной стороны, и с западными зонами, с другой стороны, является весьма странной и необычной мерой защиты. В наше время довольно часто случается, что многие страны принуждены защищать свою экономику и поддерживать курс своей валюты. Мы хорошо знакомы с таким положением, которое в настоящее время является довольно обычным во всем мире. Страны, вынужденные прибегать к мерам такого характера, не проводили их теми способами, которыми пользуются советские власти в Берлине. Они в большинстве случаев прибегали к методу пограничного контроля, который как показал опыт, совершенно достаточен, чтобы обеспечить необходимую защиту. Советские власти тоже могли прибегнуть к такого рода нормальным методам защиты. Для этого достаточно было сговориться с властями трех других союзных держав. Или в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций достаточно было попытаться урегулировать возникшие затруднения путем дипломатических переговоров и таким образом разобраться в положении, которое, по мнению советских властей, могло угрожать их законным интересам.

Советское правительство, однако, к такому методу не прибегло.

Я воздержусь от дальнейших замечаний в отношении первого вопроса, отослав Совет, как я уже сказал, к представленным ему уже ранее ответам.

Что касается второго заданного нам Советом вопроса, то он распадается на две части. С одной стороны, следует точно установить смысл соглашения 30 августа и определить то, что мы от него ожидаем, а, с другой — указать причины, по которым это соглашение не могло быть осуществлено на практике.

Начну с того, что постараюсь сделать одно важное разъяснение. Общая директива четырех правительств своим командующим в Берлине являлась результатом лишь частичного соглашения и сама по себе была недостаточна. Это действительно было соглашение добавлю — важное соглашение — но которое служило лишь в некотором роде рамкой для ряда заголовков и принципиальных положений. Переговоры в Берлине, которые должны были состояться немедленно, имели целью внести в эти рамки необходимые детали и уточнить общие положения. Без этого необходимого дополнения директива 30 августа была неполной. Она устанавливала лишь принципы, но оставалось еще уточнить, какие меры следовало принять для осуществления этих принцинов на практике.

Мы ожидали, что последствием этой директивы командующим будет снятие блокады и введение новей марки советской зоны в западные секторы Берлина. В этом и заключились два пункта соглашения. По правде говоря, между этими вопросами не существует ни обязательной, ни логической связи, и мы согласились на изъятия так называемой «марки В» из обращения в нашем секторе Берлина, лишь для того чтобы облегчить соглашение с Советским Союзом. Нашей целью было также облегчить управление городом и восстановить в нем в рамках системы четырех держав нормальную экономическую жизнь.

Начиная с июня месяца, в то время, когда проводилась денежная реформа, мы предлагали советским властям учредить в Берлине единую валюту и были принуждены отказаться от этой меры и ввести в столице бывшего рейха марку «В» вследствие неуступчивости СССР, отказавшегося от предоставления тех гарантий, которые мы считали элементарными.

Когда этот вопрос был вновь поднят в Москве и когда общая директива была выработана, мы твердо надеялись получить эти, как я уже сказал, элементарные гарантии, в которых нам было отказано в июне месяце.

Что касается фактического снятия блокады, то общая директива имела в виду одновременное упразднение как ограничений связи и транспорта между Берлином и западными зонами, которые были введены Советским Союзом в марте 1948 года, так и тех ограничений, которые мы со

своей стороны принуждены были ввести в отношении связи и транспорта между западными зонами и советской зоной.

Что касается тех мероприятий, которые имели целью унификацию берлинского денежного обращения, то мы изъяли бы из обращения марку «В» и согласились на паритетных началах заменить ее маркой советской зоны. Мы согласились на эту меру под условием, что комиссии четырех держав будет поручено, с одной стороны, выработать условия обмена обеих валют и наблюдать за осуществлением принятых четырьмя державами решений, а с другой — вступать в сношения с Германским эмиссионным банком по тем проблемам, которые имеют непосредственное отношение к западным сектором Берлина.

Существование в Берлине валюты, отличной от той, которая была в обращении в западных зонах, естественно требовало создания системы контроля, целью которого было наблюдение за ввозом товаров и валюты в Берлин лицами, прибывающими в столицу из западных зон. Целью этого контроля было воспрепятствовать тайному ввозу в Берлин валюты, который мог бы угрожать устойчивости восточной марки. Существование этой валюты также оправдывало установление контроля четырех держав над торговлей. контроля имеющего целью определить общий объем потребностей импорта и экспорта города Берлина, и, с другой стороны, обеспечить выдачу импортных и экспортных лицензий согласно установленному плану.

Вот в общих чертах содержание соглашения, к которому пришли 30 августа, и на этой основе командующие оккупационными силами в Берлине и приступили к дальнейшей дискуссии, которая, повторяю, имела целью определить методы проведения на практике установленных в Москве принципов.

Для подачи доклада командующими своим правительствам была установлена предельная дата 7 сентября. В общем докладе, составленном французским, американским и британским командующими, (который приводится в приложении 6 к документам, представленным Совету), а также в памятной записке, препровожденной г-ну Молотову 14 сентября 1948 года и приведенной в приложении 7 к этим документам, указываются причины, по которым переговоры, имевшие технический и практический характер, в конце концов потерпели неудачу. С самого начала переговоров представители западных держав были принуждены притти к заключению, что будет чрезвычайно трудно достичь соглашения по трем пунктам. Эти три пункта не охватывали всех вопросов, которые требовали обсуждения, но они, повидимому, были самой основой заключенного в Москве соглашения.

Советский главнокомандующий начал с того, что поднял вопрос об ограничении воздушного движения снабжением оккупирующих войск; это в сущности сводилось к запрещению доставки в Берлин воздушным путем гражданских грузов и пассажиров и к лишению населения столицы необходимых товаров. Советские власти основыва-

лись на выработанном Контрольным советом в августе 1945 года решении, которое они толковали ограничительно в нарушение прочно установившегося в течение трех лет порядка. При обсуждении вопроса о воздушном движении, о движении по дорогам и по внутренним водным путям, казалось, была возможность соглашения, но новые предложения, сделанные СССР в отношении воздушного движения, свели все надежды на-нет.

Что касается финансовой реформы, то главным затруднением был вопрос о том, какие будут даны полномочия комиссии четырех держав, предусмотренной общей директивой от 30 августа. Маршал Соколовский, г-н Молотов и, наконец, г-н Вышинский на первом посвященном этому вопросу заседании Совета [361-е заседание] утверждали, что западные державы требовали, чтобы финансовая комиссия была уполномочена контролировать эмиссию немецкой марки в советской зоне. Быть может, это утверждение основано на недоразумении; оно во всяком случае нолностью противоречит смыслу директивы 30 августа, и представители западных держав, конечно, никогда не претендовали на такой контроль. так же как они не выражали желания контролировать общую деятельность Германского эмиссионного банка в советской зоне.

На самом деле представитель Советского Союза хотел ограничить полномочия финансовой комиссии наблюдением за обменом денежных знаков и отказывался допустить продление ее полномочий на больший срок, чем тот, который понадобится для совершения указанного обмена, что явно противоречило сказанному маршалом Сталиным во время переговоров 23 августа, когда он определенно признал необходимость продолжения работы финансовой комиссии и после окончания обмена валюты.

Что касается вопроса о торговле, то к концу берлинских переговоров представитель СССР отказался признать за четырьмя державами право контролирования выдачи импортных и экспортных лицензий.

Представленный тремя командующими западных держав в Берлине доклад указывает к тому же, что существуют и другие вопросы, которые не были обсуждены, как вопрос об оплате доставляемых западными державами пищевых припасов и угля, вопрос о сбалансировании бюджета города Берлина и об определении и о разверстке расходов по оккупации. Были и еще вопросы, которые совершенно не обсуждались, и к их рассмотрению можно бы было приступить лишь в том случае, если бы по указанным мною самым существенным пунктам было достигнуто соглашение. Среди этих пунктов обсуждение которых, логически говоря, следовало отложить до более поздних переговоров, отмечу в особенности вопрос о контроле над валютными операциями, вопрос о денежных резервах в распоряжении каждого из секторов Берлина и вопрос об установлении спстемы контроля импорта и экспорта.

Перечисляя эти вопросы, я далеко не исчерпываю всех пунктов, которые надлежало бы еще разрешить. Я упомянул о них лишь для того. чтобы сделать ясной всю сложность проблемы. Даже если бы три главных вопроса, на которых я остановился подробнее, потому что переговоры именно на них потерпели крушение, даже если бы эти три вопроса были разрешены, то следовало бы все-таки разрешить и другие вопросы, которых я только-что коснулся, а, быть может, и еще другие, с тем чтобы достичь соглашения, которое можно было бы осуществить на практике.

Само существование этих проблем показывает к тому же, что деятельность финансовой комиссии четырех держав не могла бы быть ограничена определенным сроком. Приведу лишь один пример, а именно вопрос об учетном проценте, который невозможно установить раз на всегда, ne varietur.

Французское правительство, так же как американское и британское правительства, было преисполнено желания разрешить связанные с Берлином затруднения.

Правительства западных держав предложили решение, которое им казалось разумным и, как мы полагали, принимало в расчет разные интересы отдельных сторон. Правительство СССР было, видимо, более озабочено тем, чтобы затянуть пе-

реговоры возможно дольше и за это время поддержать и даже усилить оказываемое им на столицу бывшего Рейха давление, нежели тем, чтобы разрешить берлинский вопрос.

Одно дело — технические затруднения, о которых я упоминал, другое дело — тот дух, в котором подходят к обсуждению вопроса. Мы, с своей стороны, искренно желали разрешить технические затруднения и все еще полагаем, что они могли бы быть разрешены без неодолимых затруднений, если бы мы встретили доброе желание, равное нашему.

Именно потому, что мы должны были признать, что не существовало желания притти к какомулибо решению, наши три правительства, после двухмесячных терпеливых переговоров, решили передать вопрос на рассмотрение Совета Безопасности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-испански): Ввиду того что все записавшиеся ораторы уже высказались, заседание закрывается. Совет соберется в будущую пятницу в 3 часа дня, чтобы рассмотреть, какие следует принять решения.

Заседание закрывается в 5 ч. 25 м. дня.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd. 255a George Street Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A. Alsina 500 Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la Presse, S.A. 14-22 rue du Persil Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria Avenida 16 de Julio, 216 Casilla 972 La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoría Pérez Machado Conde a Piñango 11 Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau Librairie "A la Caravelle" Boîte postale 111-B Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud Goubaud & Cía. Ltda. Sucesor 5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P. Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis" Librairie internationale Place de la Constitution Athènes

RNHAŬ

Einar Munksgaard Nørregade 6 København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana Calle Mercedes No. 49 Apartado 656 Ciudad Trujillo

Librairie "La Renaissance d'Egypte" 9 Sh. Adly Pasha Cairo

индия

Oxford Book & Stationery Co. Scindia House New Delhi

Mackenzie & Mackenzie The Bookshop Baghdad

Bongahe Piaderow 731 Shah Avenue Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar Eymundsonnar Austurstreti 18 Reykjavík.

КАНАДА

The Ryerson Press 299 Queen Street West Toronto

The Commercial Press Ltd. 211 Honan Road Shanghai

колумбия

Librería Latina Ltda. Apartado Aéreo 4011 Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos Apartado 1313 San José

КУБА

La Casa Belga René de Smedt O'Reilly 455 La Habana

JURAH

Librairie universelle Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer Place Guillaume Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff Lange Voorhout 9 s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramírez V. Agencia de Publicaciones Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd. Waring Taylor Street Wellington United Nations Association of New Zealand P. O. Box 1011 G.P.O. Wellington

HOPBETUS

Johan Grundt Tanum Forlag Kr. Augustgt. 7A Oslo

ПЕРУ

Librería internacional del Peru, S. A. Casilla 1417 Lima

польша

Społdzielna Wydawnicza "Czytelnik" 38 Poznanska Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle

соединенное королевство

H. M. Stationery Office London, S.E. 1 and at H.M.S.O. Shops in London, Belfast, Birmingham, Bristol, Cardiff, Edinburgh and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ **АМЕРИКИ**

International Documents Service Columbia University Press 2960 Broadway New York 27, N.Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette 469 Istiklal Caddesi Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación de Editoriales Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1 Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co. 132 Riverside San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa Keskuskatu Helsinki

РИДНАЧФ

Editions A. Pedone 13, rue Soufflot

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic Narodni Trida 9 Praha 1

чили

Edmundo Pizarro Merced 846 Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A. Lausanne, Genève, Vevey, Montreux, Neuchâtel, Berne, Basel Hans Raunhardt Kirchgasse 17 Zurich

ШВЕЦИЯ

A.B. C. E. Fritze's Kungl. Hofbokhandel Fredsgatan 2 Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía. Nueve de Octubre 703 Casilla 10-24 Guayaquil

випоифе

Agence éthiopienne de publicité P. O. Box 8 Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece Jugoslovenska Knjiga Moskovska ul. 36 Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ союз

Central News Agency Commissioner & Rissik Sts. Johannesburg; and at Capetown and Durban

49 R 1